

ческого обеспечения войск, сильным моральным фактором для армии и населения. Исторически получилось так, что решение о строительстве крепости в Гродно было принято российскими властями незадолго до начала Первой мировой войны и развала государства. Поэтому Гродненскую крепость можно назвать последней крепостью Российской империи.

Библиографический список

1. Пивоварчик, С.А. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772—1941) / С.А. Пивоварчик. — Гродно: ГрГУ, 2006. — 252 с.
2. Соображения о стратегическом назначении Гродненской крепости 1912 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Фонд 13129. — Оп. 1. — Д. 499. — Л. 1—6 об.
3. Гушин, Ф.А. Пленные генералы Российской императорской армии 1914—1917 / Ф.А. Гушин, С.С. Жебровский. — М.: Рус. путь, 2010. — 384 с.
4. Яковлев, В.В. История крепостей / В.В. Яковлев. — М.: АСТ: Полигон, 2000. — 396 с.

Савик Сергей Анатольевич

Военная академия Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС РОССИЙСКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Для Беларуси, которая волею судеб не раз первой принимала на себя жестокие удары агрессивных соседей, особое значение приобретают уроки истории. Отмеченное в полной мере относится и к первой мировой войне. Невероятно тяжелыми были как непосредственные, так и отдаленные во времени последствия этой военной катастрофы.

После драматических событий Первой мировой войны, вызвавших к жизни новое мироустройство, прошло уже немало времени. Но, как показала практика, система международных отношений по-прежнему хрупка, неустойчива и нуждается в серьезной корректировке.

В этой связи весьма актуальным, с целью улучшения качества подготовки офицеров для Вооруженных Сил Республики Беларусь, представляется, на наш взгляд, изучение опыта подготовки офицерских кадров России в условиях сложной международной и внутривнутриполитической обстановки накануне и в ходе Первой мировой войны.

Для анализа рассматриваемой нами проблемы особого внимания заслуживают исследовательские работы П.А. Режепо (с 1895 по 1900 г. — штабс-капитан, служил в войсках, в дальнейшем — офицер Генерального штаба). А среди них наибольший интерес представляют его труды «Статистика полковников», «Статистика генералов», «Офицерский вопрос» и др. Именно в них дается количественный и качественный анализ офицерского состава, генералитета накануне Первой мировой войны.

Исследуя отношение общества к вооруженным силам, их роль и место в государственном устройстве, П.А. Режепо приходит к выводу, что армия весьма важна и необходима для государства. Более того, она — его начало и конец. Но, к сожалению, «этот догмат не вполне осознается нашим обществом, и оно в последние годы не обращало на армию должного внимания. Многие же стали считать ее сборищем „людей-дармоедов“», — не без горечи замечал Режепо [1, с. 6].

По мнению ученого, в результате поспешных и не всегда продуманных решений по сокращению вооруженных сил и их офицерского корпуса не только создаются многочисленные социально-экономические проблемы, но и подрывается авторитет армии, престижность военной службы, в души молодых людей вселяется нежелание защищать Отечество. Отсюда следует вывод, весьма актуальный и сегодня: надо беречь офицерские кадры, ибо «корпус начальников — основание победы, залог правильной боевой деятельности армии» [1, с. 7].

Подготовка офицерских кадров накануне и в годы Первой мировой войны осуществлялась в юнкерских и военных училищах, офицерских школах и военных академиях.

Следует подчеркнуть, что в годы «военного ренессанса» (так называли период между русско-японской и Первой мировой войнами) уровень профессиональной подготовки молодых русских офицеров, окончивших полный курс военного училища, был не ниже, чем у английских, французских и германских офицеров. Это в полной мере можно отнести и к состоянию отечественной военной мысли.

Важнейшей особенностью офицерского корпуса России накануне Первой мировой войны была его тяга к совершенствованию своих профессиональных качеств. Поражение в русско-японской войне 1904—1905 гг. заставило высшее военно-политическое руководство страны также усилить внимание к профессиональной подготовке и переподготовке офицерского состава, поскольку емкость военных академий была незначительной, центрами переподготовки и повышения квалификации военных кадров являлись офицерские школы.

Перед Первой мировой войной в России действовали следующие офицерские школы: артиллерийская, воздухоплавательная, железнодорожная, кавалерийская, стрелковая, электротехническая и главная гимнастическо-фехтовальная. Кроме того, при учебной автомобильной роте в Петербурге работал офицерский класс. Переподготовку офицеров-преподавателей осуществляли педагогические курсы при Главном управлении военно-учебных заведений. В специальных окружных школах офицеры изучали восточные языки. Ежегодно во всех школах обучалось более 400 офицеров, что, однако, было недостаточно для русской армии. Поэтому Военное министерство планировало увеличить емкость офицерских школ, но этому помешала начавшаяся Первая мировая война [2, с. 16—17].

Высшими военно-учебными заведениями России накануне Первой мировой войны являлись военные академии: Императорская Николаевская Академия Генерального штаба, Михайловская артиллерийская, Николаевская инженерная, Николаевская морская, Военно-юридическая, Военно-медицинская. Они занимали ведущее место в системе военно-учебных заведений России. Военные академии рассматривались как «военно-ученое и военно-учебное заведение, должностующее вообще содействовать развитию военного искусства, распространять его в виде военных знаний по всем частям армии и подготавливать специалистов по военным наукам, могущим двигать последние по пути прогресса».

Однако существовавшая система военного образования далеко не обеспечивала потребности армии в новую эпоху, что явилось следствием глубокого непонимания высшим военным руководством характера будущей войны, а также узкоклассового подхода к комплектованию войск офицерами. Так, процент офицеров с высшим военным образованием в армии был невысок. По состоянию на 1912 г. высшее образование имели немногим более половины генералов, менее 1/5 штаб-офицеров, около 8 % генералов и более 1/3 штаб-офицеров получили только низшее образование (окончили только юнкерские училища) [2, с. 20]. По этому поводу образно сказал А.И. Деникин: «До войны (1904—1905 гг.) начальник, начиная с должности командира полка, точнее, с командира батальона, мог пребывать спокойно с тем научным багажом, который был вынесен им когда-то из военного или юнкерского училища, мог не следить вовсе за прогрессом военной науки, и никому в голову не приходило поинтересоваться его познаниями» [3, с. 173].

К этому добавим, что основной порок командного состава (генералитета) состоял в том, что многие начальники не имели достаточного командного ценза. Так, например, из 46 начальников пехотных диви-

зий вовсе не командовали: ротами — 22 чел. (47,8 %), батальонами — 14 чел. (30,4 %), полками — 8 чел. (17,3 %), бригадами — 13 чел. (28,2 %) [5, с. 1]. Не в этом ли заключалась одна из причин того, что часть высшего командного состава русской армии показала себя в годы Первой мировой войны не с лучшей стороны? [2, с. 20].

В 1909 г. численность офицеров и генералов составляла 42 735 человек, в начале 1914 г. она была доведена всего лишь до 51 417 человек. Результаты недальновидной политики руководителей военного ведомства не замедлили сказаться во время войны. После объявления войны численность офицерского состава была доведена до 98 тыс. человек, однако уже в кампании 1914 г. большая часть офицеров была выведена из строя, и армия, по существу, оказалась без подготовленных командиров рот. Теперь уже ни о какой «классовой чистоте» офицерского состава не могло быть и речи. Пришлось срочно переводить военные училища на краткосрочные курсы (от трех- до шестимесячного срока). В результате ускоренных выпусков из военных училищ армия получила в 1914 г. 9914 офицеров, в 1915 г. — 18 999, в 1916 г. — 34 906, что превысило нормальные выпуски соответственно в 3,9 и 12 раз [4, с. 33].

Из-за огромных потерь создалась ситуация, когда ротами командовали подпоручики, а батальонами — поручики и штабс-капитаны, что никогда ранее не было характерно для русской армии. Поэтому для расширения каналов ускоренной подготовки офицеров создавались 3-месячные школы прапорщиков на 400 человек каждая. В 1916 г. действовало 38 школ, подготовивших за три выпуска 50 250 офицеров. К 1916 г. численность офицеров, прошедших ускоренный курс обучения, значительно превышала (примерно 9 из 10) численность кадровых офицеров, т. е. прошедших полный курс военного обучения. Эти офицеры военного времени, как правило, были выходцами из средних слоев. К осени 1917 г. в пехотных полках русской армии только 4 % офицеров имели подготовку в объеме военного училища, а 96 % прошли ускоренный курс обучения. Более 80 % офицеров того времени в звене взвод-рота-батальон были выходцами из крестьянства [5, с. 26—27].

Бесспорным остается тот факт, что объявление Первой мировой войны со стороны Германии в 1914 г. в России было встречено с большим патриотическим подъемом. После наполеоновского нашествия война второй раз была названа Отечественной. Маршал Советского Союза А.М. Василевский в своих мемуарах «Дело всей жизни» вспоминал: «...после объявления войны меня обуревали патриотические чувства. Лозунги о защите Отечества захватили меня. Поэтому я, неожиданно для себя и для родных, стал военным» [6, с. 15].

Стремление исполнить свой долг перед Отечеством явилось той почвой, на которой рельефно проявились лучшие моральные и боевые качества отечественного офицерства.

Самые строгие критики русской армии, немецкие генералы, открыто признавали: «Русский офицер никому не уступит в личной храбрости».

Весьма высокая оценка русской армии и ее офицерскому корпусу была дана пленным австрийским офицером в первый день наступления Юго-Западного фронта: «Наши позиции неприступны, и прорвать их невозможно. А если бы это вам удалось, тогда нам не остается ничего другого, как соорудить грандиозных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии наших теперешних позиций и написать: „Эти позиции были взяты русскими, завещаем всем никогда и никому с ними не воевать“» [7, с. 322].

Обращаясь еще раз к моральному облику офицерства (несмотря на отмеченные выше изъяны), следует также отметить, что его нельзя не признать достойным уважения. Готовность умереть за Россию была характерна для офицера тех лет. Достаточно сказать, что при составлении мобилизационного плана офицеры просили не назначать их на должности в тылу, в запасные батальоны [8, с. 57].

Несмотря на отмеченные выше в подготовке офицерских кадров недостатки, победы русского оружия в кампаниях 1914—1916 гг., жертвы, принесенные офицерским корпусом в 1915 и 1917 гг., как справедливо отмечал известный российский ученый Ю.Н. Гордеев, дают основание утверждать, что русские офицеры и многие генералы оказались на высоте и проявили высокие профессиональные, боевые и моральные качества [9, с. 22].

Библиографический список

1. Воронин, В. Офицерский вопрос / В. Воронин // Воен. вестн. — 1992. — № 9. — С. 5—7.
2. Самусь, В.Н. Отечественный офицерский корпус накануне и в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. / В. Н. Самусь, В. А. Чмырев, С. В. Устинкин; под ред. В.Н. Самусь. — СПб.: ВИСИ, 1995. — 38 с.
3. Зайончковский, П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903 / П.А. Зайончковский. — М.: Мысль, 1973. — 420 с.
4. Бескровный, Б.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала / Б.Г. Бескровный. — М.: Наука, 1986. — 342 с.
5. Кавтарадзе, А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. / А.Г. Кавтарадзе. — М.: Воениздат, 1988. — 389 с.
6. Василевский, А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. — М., 1974. — 542 с.

7. Из боевого прошлого русской армии: док. и материалы о подвигах русских солдат и офицеров. — М., 1947. — 386 с.
8. Образцов, И.В. Российские офицеры / И.В. Образцов // Воен.-ист. журн. — 1994. — № 4. — С. 55—62.
9. Гордеев, Ю.Н. Русский офицерский корпус в первой мировой войне 1914—1918 гг. / Ю.Н. Гордеев. — М.: Воен. акад. им. М.В. Фрунзе, 1991. — 53 с.

Сухоруков Владимир Евгеньевич, Пархоменко Александр Александрович
Военная академия Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО БОЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начале войны тактическая оборона строилась путем создания линии опорных пунктов и узлов обороны с простреливаемыми огнем стрелкового оружия промежутками до 1000—1200 м. Это была очаговая оборона, лишенная глубины и недостаточно устойчивая. Уже осенью 1914 г. полевые оборонительные позиции стали оборудовать системой стрелковых окопов, пулеметных гнезд, блиндажей, укрытий и ходов сообщения. Прикрытая с фронта проволочными заграждениями линия окопов, расположенная на удобной для обороны местности, позволяла разместить необходимое количество пехоты и огневых средств для отражения атак противника. При этом залповый оружейный огонь и огонь пулеметов был основным средством обороны.

По мере повышения мощи и дальнбойности огня артиллерии, развития авиации, более широкого применения отравляющих веществ и танков совершенствовались и способы организации обороны. Боевые порядки войск стали эшелонироваться в глубину и рассредоточиваться по фронту. Применение автоматического стрелкового оружия позволяло повышать плотность огня при снижении плотности живой силы. Вместо одной линии окопов стали строить позицию, состоящую из нескольких линий траншей, соединенных ходами сообщения.

Дальнейший рост глубины обороны привел к образованию оборонительных полос из двух—четырех позиций. Это позволяло обороняющимся соединениям скрытно располагать вторые эшелоны и резервы, предназначенные для проведения контратак и наращивания сопротивления, в глубине обороны [1, с. 55].